

Яков Унгер

КАУ «Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом»

Яков Унгер

«Детство, отрочество, юность»

Исторические записки, посвященные 100-летию
со времен основания г. Славгорода
и окружающих его немецких поселений

Барнаул 2011

ББК 63.3 (253.37)
У-583

Редакционная коллегия:

Я.И. Унгер – автор,
И.Г. Беккер – автор-составитель,
Э.В. Винтер – директор КАУ «Алтайский краевой Российско-
Немецкий Дом», ответственный редактор,
Н.А. Путилина – редактор КАУ «Алтайский краевой Российско-
Немецкий Дом»

Рецензент:

Л.В. Малиновский – д.и.н., профессор АлтГПА

*Книга издана при содействии Алтайской краевой национально-
культурной автономии российских немцев и финансовой под-
держке АОО «Международный союз немецкой культуры»
в рамках Программы Министерства внутренних дел Федера-
тивной Республики Германии в пользу немецкого меньшинства
в Российской Федерации*

Яков Унгер

У-583 «Детство, отрочество, юность»

Исторические записки, посвященные 100-летию со времен основа-
ния г. Славгорода и окружающих его немецких поселений, – Бар-
наул, 2011. Типография ООО «Фирма Выбор», г. Рубцовск – 228
стр.

© Унгер Я.И., 2011
© Алтайский краевой
Российско-Немецкий Дом, 2011

Оглавление

Предисловие	6
Детские годы	
Немного из истории государства Российского	8
Переселение в Сибирь. Немецкие колонии	10
Славгород	18
Отец	22
Гражданская война	26
Эпидемии	28
Послевоенные трудности	32
Беспризорные	35
Замужество матери	38
Переселение в деревню	40
Лошади	47
Строить дом	51
Бедность. Недостаток во всем	54
Детство	56
Праздники	61
Начальная школа	64
Сибирь – это Сибирь. Но и туда приходит тепло	70
Труд – главная основа благополучия	75
Волки	83
Менониты. Религия	87
Начало перелома всей жизни	91
Годы отрочества	
И вновь Славгород	95
Хлопотливая жизнь паренька	99
Студенты	103
Скитальцы	105
В тесноте, да не в обиде	108
Анжерка – город угля	112
Многострадальный малыш	116
И начал работать	118

Раскулаченные	120
Нет худа без добра	122
Очарование	126
Из странствий возвращаясь	128
Юность	
Колхоз. Голодный 1933 год	131
Тракторная бригада	135
Взрослым потихоньку стал	142
Смиречье	148
Родные. Родственники	
Мама	156
Лиза – моя сестра	166
Дедушка и бабушка	179
Родные по матери	183
Отчим	192
Встреча с прошлым	198
Ныне живущие	209
Язык. Русский язык	217
Племянница	220
Заключение	222
Хлеб	224

РЕЦЕНЗИЯ

на рукописи Я.В. Унгера «Детство, отрочество, юность»

(Воспоминания)

Воспоминания Я.И. Унгера трудно рецензировать, тем более с профессиональной точки зрения. Объясню почему... Любой человек, не лишенный сердца, не может без волнения читать щемящую и трогательную историю становления сначала мальчика, а затем юноши-немца. Это уникальный документ – исповедь, в котором раскрываются этапы жизни главного героя, во многом сходные с судьбами других советских немцев. И тем не менее, это не литературное произведение – в том смысле, как мы это обычно понимаем. Воспоминания – это крик души, освобождение от тяжести прошлого, а иногда и сладостное возвращение в тяжелое, но неповторимое время юности автора и героя. К сожалению, этот свободно льющийся поток вбирает в себя все, что встречается на его пути: литературные цитаты (что само по себе и неплохо), постановления Президиума Верховного Совета СССР и многое-многое другое, что кажется автору чрезвычайно важным, но что, на мой взгляд, разрушает целостность живого документа-исповеди.

Собственно, как к документу, в котором отразился жизненный опыт одного человека, можно относиться к данной рукописи. Не знаю истории этой рукописи. Но из письма к некоему Малиновскому проясняется непростая история, которая не может не вызывать сочувствие к автору, лишенному возможности увидеть свои воспоминания опубликованными. Рукопись несет на себе следы правки, причем правки разумной, которую чаще всего оспорить невозможно. Редактор шел по правильному пути: убрать незначительное или общеизвестное из истории прошлого.

Представляется, что воспоминания Я.И. Унгера с необходимыми сокращениями, от которых они только выиграют, и с основательной редактурой, которая частично проделана, но во многом не доведена до конца, могут быть опубликованы.

О.А. Клинг,
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник ИМЛИ РАН,
писатель

*Посвящается столетию со времени основания
гор. Славгорода и окружающих его немецких поселений*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые читателю воспоминания Якоба Унгера представляют не столько литературный, сколько, прежде всего, исторический интерес. Они раскрывают нам малоизвестные события из провинциальной жизни небольшого сибирского города, который для своей местности, для Кулундинской степи, играл роль хозяйственного и культурного центра. Недаром царский премьер П. А. Столыпин, посещая Южную Сибирь в 1910 г., прежде всего, направился в Славгород и в прилегающие немецкие колонии, причем эта поездка несомненно способствовала дальнейшему и успешному освоению этой целинной местности.

Но воспоминания нашего автора относятся к более позднему периоду, который, однако, изучен и описан даже в меньшей степени, чем времена столыпинской реформы. Это было вызвано, по нашему мнению, тем, что власти и влиятельные лица 20-х годов как бы стыдились своего времени и не стремились сохранить его в памяти как некий переходный к грядущему социализму период – недаром Маяковский писал об этом времени «час твой последний приходит, буржуй» – нэпманы и их время, несмотря на одобрение и инициативу самого Ленина, уважением современников не пользовались.

С другой стороны, деятели этого времени, в особенности в национальной сфере, не остались на плаву и большей частью не написали мемуаров, поскольку не дожили, были истреблены или репрессированы в жестокие 30-е годы. Тут уж было не до воспоминаний, люди часто скрывали свое прошлое, чтобы не подвергнуться новым преследованиям.

Естественно, что и историческая наука в СССР обходила молчанием многие моменты истории этого времени, не говоря о том, что история писалась в столицах и под бдительным оком Кремля. Тем более если речь шла не о правительственных сферах и постановлениях, а о жизни маленького человека в далекой провинции.

Именно поэтому бесхитростные записки Я. Унгера представляют исторический интерес как свидетельство вдумчивого и наблюдательного современника о повседневной жизни советских граждан 20-х и 30-х годов.

Вторая часть воспоминаний нашего автора посвящена так называемой Трудовой армии, куда призывали массами представителей репрессированных народов, прежде всего советских немцев. Они строили железные дороги, сооружали военные заводы и заготавливали лес на далеком Севере, обеспечивая таким образом снабжение фронта и военной промышленности необходимым сырьем. Об этом времени уже написано немало (изданы книги Шмалея, Штрауса, Шиллера и воспоминания многих других трудармейцев), однако эти книги были выпущены небольшими тиражами и отчасти на немецком языке, что отнюдь не способствовало распространению сведений об этом суровом времени и о подвиге трудармейцев среди огромной массы населения России, которая до 1988 года вообще ничего об этом прочитать не могла – в отношении истории немцев России и СССР господствовал заговор молчания, только в немецких газетах, издававшихся в СССР, можно было прочитать кое-что о жизни и истории немецкого населения в СССР, да и то за исключением истории Трудармий и АССР Немцев Поволжья.

Поэтому публикация многострадальных мемуаров Я. Унгера – это значительное событие в литературе о российских немцах. Эти мемуары являются многострадальными еще и потому, что они были предъявлены для публикации в Алтайском государственном книжном издательстве еще в начале 90-х годов, потом лет пятнадцать лежали без «движения» в московском издательстве «Готика», несмотря на положительные отзывы все же не были опубликованы, пережили своего создателя и вот теперь наконец-то увидят свет – мы можем только порадоваться тому, что еще один человеческий документ того времени наконец-то увидит свет на Алтае, где и происходили описанные автором события.

Доктор исторических наук,
профессор АлтГПА
Л.В. Малиновский

Сестре Лизе посвящаю

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

И хоть мы только сейчас, но века в нас.
Ольга Форш

НЕМНОГО ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

В прошлом Россия непрерывно «колонизовалась» – осваивала окраины. Русские сумели отстоять и освоить огромную континентальную империю, первую в мире страну по территории.

Россия пробила себе дорогу к Балтийскому морю, Тихому океану и к морю Черному. Огромные территории надо было заселять народом. Переселение народа из внутренних районов России, наверное, во многом сдерживалось крепостным устройством земли Российской. Собственно, в те времена Россия Петра Первого усиленно стала приглашать иноземцев.

Мариэтта Шагиня в своих воспоминаниях «Человек и время» пишет о том времени так: «Могучие государства, колонизуя далекие отсталые страны, используют их отсталость. Но те же могучие государства, приглашая к себе селиться группы иноземцев, используют их культурные навыки, их умение. В первом случае государству-колонизатору выгодна отсталость колонизируемых стран, дешевые рабочие руки: оно дает этим странам лишь такие зачатки цивилизации, которые помогают добывать и вывозить природные богатства колоний. Но во втором случае картина совсем иная: на пустынную территорию, на завоеванные земли приглашаются государством группы иноземцев, приглашаются с поклоном, с посулами – дать денежную помощь, дать привилегии – свободу от налогов, от наборов в солдаты, свое городское управление, свое судопроизводство и школы на родном языке – только вселяйтесь, милости просим, – почему? Потому, что вас приглашают как умелые руки – стройте дома, города, разбивайте сады, культивируйте землю». И далее «В истории России такой способ заселять и поднимать завоевание земли встречается часто. Петр Первый, нуждаясь в умелых руках, заселял целые слободы немцами».

То, в большинстве, был народ мастеровой, торговый и люди науки. Приглашались и военачальники из людей умелых, даровитых и даже знатных. Выходцы из этой среды во многом обогатили науку и искусство России. Много немцев, как иногда пишут, обрусело, растворилось за многие годы в среде русских и других народов Великой России.

К концу XIII века Россия утвердилась на огромной территории нынешнего юга Украины – Одесская, Николаевская, Херсонская, Запорожская области, Крыма и Северного Кавказа и требовалось заселить эти, по сути пустовавшие, земли людьми-земледельцами. Частично на этих землях создавались военные поселения из разных народностей. Это для охраны границ государства, а для хозяйственного освоения были требования иными.

Приглашались для этого переселенцы из Голландии, Германии, частично из Австрии. Переселение шло из внутренних областей Германии – преимущественно из Южной части, как наиболее перенаселенной части страны. Кроме экологической выгоды часть переселенцев эмигрировали в Россию в поисках свободы вероисповедания. Переселенцам отводились земли из государственных фондов, пригодных для земледелия, ибо поселенцы занимались, в основном, сельским хозяйством с зерновым уклоном. Животноводство являлось всегда лишь придатком в хозяйстве.

Немцы и голландцы селились колониями по всему югу Украины, Крыму и Северному Кавказу. Из эмигрантов редко кто оседал в городах – городов-то в то время в тех краях имелось раз-два и обчелся. В большинстве этот пришлый народ занимался тем, что распахивал целину и сеял хлеб-пшеницу. Это требовало большого труда лошади и человека. Тогда ведь не имелось той техники, как при освоении целинных земель в наше время. А земель в те годы пришлось осваивать немало.

Производство пшеницы и другой сельскохозяйственной продукции привело к быстрому развитию Одесского морского порта и вывозу сельскохозяйственной продукции на рынки Западной Европы и широкому товарному обмену между югом России и Западно-Европейскими странами.

Наши предки выходцы из Голландии. Люди труда и таланта.

Не могу со всей точностью утверждать, но из разговоров в семье следует, что мой дедушка по отцу родился уже в России,

где-то под Никополем, примерно в 1860 году. На юге Украины родились и остальные предки.

В юности мне пришлось кое-что читать из истории переселения народа Западной Европы в Россию. Помню, там приводились некоторые официальные документы, касающиеся правовых статусов этих переселенцев. Было это давно, не помню я подробностей, и суть-то не в этом.

В прошлом выходцы из Западно-Европейских стран стали в свое время гражданами России, а затем полноправными народами своей Великой страны – СССР.

Юг России часто подвергался, случается это и сейчас, засухам, и поэтому хозяйства поселенцев лишались прочных экономических основ. Бороться с засухами трудно сейчас, а в те давние годы единственной надеждой была милость природы и труд человека.

Немилость природы приводила к тому, что колонисты начали постепенно переселяться вглубь России. Двигались к Волге – Самара, Саратов – к огромным степным просторам, к землям, пригодным к земледелию. И опять труд и труд. Часть из них двигались еще дальше – до Оренбургских степей.

В бывшей Оренбургской губернии и родилась наша мама в 1890 году.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В СИБИРЬ. НЕМЕЦКИЕ КОЛОНИИ – ИХ ОБУСТРОЙСТВО. РУССКИЕ СЕЛЕНИЯ

Как богата Сибирь своими природными дарами! Какой это могучий край! Как только она будет заселена – ей предстоит сыграть великую роль в летописи мира.

А.Н. Радищев

Не прошло и десяти лет, как проложили Великую Сибирскую железную дорогу, и тихий край Западной Сибири был мало освоен и почти не обжит.

«Окрестности Западно-Сибирской дороги, которую я только что проехал всю от Челябинска до Кривошеково, поразительно однообразны: голая и глухая степь. Ни жилья, ни городов, очень редки деревни, изредка – лес, а то все – степь. Снег и небо» (Из письма В.И. Ленина матери, когда по этой самой дороге ехал в Сибирскую ссылку).

Земельная политика небезызвестного министра царского правительства – Столыпина имела основную цель – разрядить вопрос земельных недостатков в центральной России, ликвидации нищеты и недовольства деревни, а также освоение пустовавших массивов земли восточнее Волги. Это привело к тому, что начиная от нынешней Челябинской, Курганской, Омской, Петропавловской области и Восточного Казахстана, в начале века, кроме переселенцев, появились и немецкие колонии – земли в этих краях хватало – трудись – паши – коси.

Колониями эти поселения назывались, вероятно, потому, что селения строились не вперемешку с селениями других народностей, а обязательно замкнутым кругом – среди этих поселений сел иных народностей не было.

Можно полагать, что это было связано с тем, что до Октябрьской революции эти колонии, во многом, имели свое самоуправление, свои школы на родном языке. Сохраняли особенности своего быта, культуры и жизненного уклада. По своему хозяйственному укладу – это были земледельцы-хлеборобы.

В разные годы жизни мне пришлось повидать отдельные села немцев-голландцев в разных местах России, но особенность этих поселений была всюду одинаковая.

Родители отца переселились в Сибирь в 1907 году из Харьковской губернии. Родители матери в 1905 либо в 1906 году из Оренбургской губернии. Переселенцы по Транссибирской железной дороге добирались до станции Барабинск или Каргат. Отсюда со всем скарбом – скотом, хозяйственным инвентарем и кучей детишек своим ходом двигались на юг, вглубь бескрайних степей, километров 300 – 400 вглубь Барабинской низменности. Сейчас эту степную часть Алтайского края принято называть Кулундинской степью.

Известными стали эти степи в шестидесятых годах нашего века. Раньше в Кулундинских степях, за малым исключением, зем-

леделием не занимались, считая эти земли и климат непригодными для земледелия. Надо было обладать немалым мужеством, чтобы из теплого края или из относительно холодного края решиться на переселение в столь отдаленный необжитый и холодный край.

В местах будущего поселения никаких признаков жизни – одни колышки, оставленные землеустроителями и у каждого переселенца бумага на право поселения в определенном будущем селе – селе, которого еще нет, в селе, которое надо строить и обживать местность.

По рассказам моих родных, они приехали ко времени, когда уже дело шло к осени, и успели в тот год лишь вырыть землянки для себя и для скота.

Во всей Сибири, куда в начале века переселялись немцы, земляные угодья выбирались, прежде всего, годные для земледелия. Зерновые культуры – в основном пшеница – являлись богатством этого народа, и все их хозяйственное устройство было подчинено этому: выращивать хлеб.

Земля, отведенная для колонии, была абсолютной равниной – степь, и единственное, на чем задерживался взгляд – это березовые колки. В этом районе не было ни рек, ни озер.

Березовые колки очень украшали степь, и к сохранению колков все годы относились бережливо – охраняли их от любого посягательства. Частичная вырубка производилась разумно и не приводила к их уничтожению. Даже если колочек оказывался на земельном отводе крестьянина, он не имел права на его вырубку, это преследовалось обществом. А в общинном устройстве селений таилась значительная сила местной власти.

Все занимаемые переселенцами земли раньше использовались казаками как пастбище. Но этих земель, пустовавших по существу, было так много, что каких-либо конфликтов с переселенцами, оттеснившими казаков с этих земель, не возникало.

В нашей колонии под Славгородом было сел 35 – 40, точно не помню. Название многих сел позабыл. Все села этой колонии были заселены выходцами из Нидерландов – имелось лишь на окраинах несколько сел немцев.

В каждом селе имелось 40 – 45 дворов, одна улица с четко распланированными усадьбами. В прошлом земельное устройство

было, примерно одинаковым – порядка шестьдесят десятин на двор, независимо от состава семьи.

Представляет интерес порядок землеустройства в колониях. Для каждого будущего села отводился квадрат земли. В середине квадрата располагалось село. Земельный надел нарезался в четырех местах равными участками. Усадьба занимала одну десятину. Земля отводилась каждому хозяйству таким образом, чтобы расстояние до своих участков у каждого хозяйства было одинаковым – если одно поле было дальше, то другое поле обязательно находилось ближе к усадьбе. Такое распределение земельных наделов уходит в далекую историю, в частности, у немцев.

Еще в начале нашей эры у древних германцев пахотная земля, так же как леса и луга, оставалась собственностью всей общины. Каждая семья получала от общины приблизительно равные участки пахотной земли – наделы.

Смысл системы землепользования состоял в том, чтобы обеспечить равные условия семьям. Чтобы никто не жаловался на плохой участок и на его удаленность, надел каждой семьи составлялся из полосок, разбросанных во всех полях общины. Каждое поле делилось на равновеликие полоски по числу семей в общине.

Неужели этот порядок мог сохраниться почти две тысячи лет? Судя по истории – да. Народ сохранил столько веков в этом деле справедливость.

Так вот, усадебные участки с закрепленными земельными наделами были определены землеустроителями еще до прибытия переселенцев. Прибывающий переселенец просто получал очередной, еще не занятый усадебный участок и закрепленный за этим участком надел земли. Никаких скандалов не могло возникнуть. Равное право и положение каждого в отдельности. Прикрепление же к тому или иному селу происходило заранее, до выезда с прежнего места жительства.

Отрицательной особенностью описанного земельного устройства села было то, что после полного заселения усадеб данного села никто не мог поселиться в расчете получить земельный надел и усадебный участок. Свободных, запасных фондов земли село не имело.

Детей в семьях бывало нередко шесть, десять, а то и более, и выделение части хозяйства сыну или дочери могло происходить

только за счет дробления основного надела земли и усадебного участка.

Но далеко не всегда решалась эта проблема благополучно, ибо хозяйство с зерновым уклоном могло быть рентабельным только при определенном количестве пахотной земли. Многоразовое дробление надела привело бы к упадку любого, даже налаженного хозяйства.

Проходили годы, вырастали дети, и начиналось отходничество – переселение новых семей, реже в города, а больше переселялось в те колонии, где имелись свободные наделы земли. В нашей колонии таких земельных фондов не имелось. Имелись такие фонды в современной Павлодарской области. И, таким образом, возникали новые колонии уже за счет внутренних переселений в районах Сибири.

Села внутри колонии были строго спланированы и все земельные угодья строго распределены между селами. Например, от села до села, в любом направлении, было пять верст. За пределами колонии такого строгого порядка землепользования не существовало еще и при моей памяти. Там села были редкими и весьма отдаленными одно от другого.

Весь уклад крестьянского хозяйства строился на возделывании яровой пшеницы, а иных культур минимально. Лошадей держали рослых, сильных, выносливых. Коровы были хорошей породы – преимущественно немецкой красной породы. Свиной разводили английской породы – к осени вырастали просто не свиньи, а целые глыбы. И, кроме товарного зерна, производилось и немало масла отличного качества.

Масло сливочное вывозилось далеко за пределы колоний. В отличие от местных пород скота – переселенцы в колонию завезли породистый скот, как об этом уже говорилось, и всем обществом заботились об улучшении породы скота всех видов. Улучшение или поддержание хорошей породы достигалось тем, что общество содержало хороших общественных производителей – жеребцов, быков, хряков. Производители покупались за счет общественных средств и содержались также за счет средств общины.

Молодняк скота из сел колонии пользовался в округе большим спросом, ценился дорого, и обычно хороший молодняк на мясо не резали.

Обычно хозяйство складывалось из четырех – шести рабочих лошадей. Иногда у отдельных хозяев было их и больше. Одной коровой тоже очень редко семья обходилась. Чаще их было три – четыре и более.

Распашка целины, даже при однолемешном плуге, требовала в упряжке не меньше четырех – шести лошадей. Только при такой мощи возможно было вспахать целину на должную глубину и во всех случаях сохраняло лошадей от перенапряжения. Стало быть, если в хозяйстве имелось меньше лошадей или не было плуга, а такое тоже случалось, то приходилось спрятаться при пахоте с соседом или иным крестьянским двором.

Малым числом лошадей крестьянин не смог бы обработать свой надел земли, а значит, и хозяйство не могло крепнуть и развиваться.

Пользовались, как правило, многолемешным плугом шести – восьми лемешными с сеющим аппаратом. Такой плуг могли тянуть также не менее шестерки лошадей.

Вообще надо помнить, что села колонии заселялись с 1900 примерно до 1910 года и, конечно, эти годы ушли на становление хозяйств, на хозяйственную акклиматизацию, чуть погодя уже разразилась большая война, а затем гражданская война застала многих переселенцев на полпути своего хозяйственного становления.

Судя по рассказам, урожаи в те годы, начальные годы освоения новых земель, были постоянно высокими и неурожаи случались редко. Даже по современной статистике, после бессменной вспашки этих земель уже более полувека неурожаи случаются, в сравнении с другими районами страны, редко.

Более основательно и быстрее обживались те хозяйства, где имелось побольше рук. Рабочие руки были в те годы основным капиталом сибирского земледельца. С некоторыми семьями случалось несладно лишь из-за того, что даже привезя с собой и скот, и инвентарь, и, возможно даже, свободных денег, но если в семье имелось недостаточно рабочих рук, то становление хозяйства происходило очень и очень трудно и часто такие хозяйства, бывшие на прежнем месте жительства крепкими, приходили в упадок, слабели. Не так это было просто в Сибири, в непривычном климате, особых условиях оторванности от рынка, на целинной земле на-

чать хозяйствовать. Требовался огромный труд, настойчивость, хозяйственный расчет и мужество на выживание.

И все же, в большинстве случаев, при присущем им трудолюбию, дисциплинированности и хозяйственной расчетливости, народ обживался, хозяйства крепили и в семьях были всегда рады появлению нового человека. Считалось хорошей основой будущему благополучию, если за стол садилось много едоков.

В те годы в этих селах редко кто курил. О водке и говорить не приходится. Это было редким исключением, если зелье кто-либо в селе употреблял.

Прошло не так и много лет, и, если до этого в Сибирь хлеб даже завозился, то перед началом империалистической войны Западная Сибирь стала производить хлеба с избытком и началась широкая торговля хлебными излишками. В Сибири лишь за полтора десятка лет (1901 – 1915гг.) валовой сбор зерна вырос на 61 процент. Сибирь вывозила за границу по 60 тысяч тонн в год своего всемирно известного сливочного масла.

Это она, сибирская пшеница, в начале века потрясла хлебный рынок страны, вынудив помещичье государство поставить на ее пути золотой барьер – «Челябинский перелом» железнодорожного тарифа, чтобы спасти или сохранить цены на российских рынках. Но легкого хлеба в Сибири не бывает. Отменный на всю Россию – это да.

В общем, «супротив России здесь жить можно, только первый год придется перетерпеть».

Все сказанное касалось дел немецкой колонии в Сибири. Но ведь Западная Сибирь велика и, безусловно, интересно, как же жили иные люди в Сибири. Много мест потом я в Сибири повидал. Но это были, в большинстве своем, места, расположенные вблизи Транссибирской железной дороги или места недалеко от города. Годы спустя, уже в ином возрасте, примерно в марте 1934 года, мне пришлось участвовать в одной поездке на лошадях. Поехали мы на трех пароконных санях за древесным углем вглубь лесных районов Алтая. Я уже не помню точно маршрут той поездки, но поездка туда и обратно заняла дней пятнадцать. С каждым днем мы отдалялись от железной дороги. Запомнилась мне та поездка многим. Прежде всего, я увидел совершенно незнакомую мне Сибирь. С совершенно иным укладом сел: села были большие, обяза-

тельно вблизи рек или больших озер. А во всей нашей колонии не имелось ни единой речушки, ни единого озера, не имелось и леса. Села эти были застроены добротными деревянными домами и хозяйственными постройками. Ограды часто, как крепости, высокие и прочные. Очень часто хозяйственный двор находился под единой сплошной крышей. К тому времени уже закончилась коллективизация и в этих краях. Судить о прежней жизни крестьян этих сел можно было лишь по размерам и характеру усадебных построек, частично уже разрушенных к этому времени – отпала в них надобность.

В прошлом занятия населения этих сел были разнообразными, но в основном, занимались скотоводством – встречалось много запущенных заимок для зимнего содержания немалых гуртов скота – имелись огромные просторы для разведения скота. Но земель, пригодных для земледелия, имелось немного.

Многие занимались пчеловодством – для этого были благодатные условия. Существовали и ремесла, в которых нуждалось местное население.

Села обычно обширные, всяк строился, как ему было удобно, и говорить о какой-то планировке села не приходилось – сплошные переулки и закоулки. Впечатление оставляла исключительная чистота в домах. Патриархальный уклад, добротные дома и степенная неторопливость хозяев.

В прошлом, в своем большинстве, жили эти люди зажиточно. Об этом можно было судить по многим признакам. Но в то время, когда мне пришлось там быть, имелось уже много разрушенных усадеб, заколоченных домов и порушенных судеб.

В поездке, в каждом случае, старались мы устраиваться на ночлег в частном доме. Сибиряки были приветливы, гостеприимны, и, конечно, у них было уютнее, нежели на постоялом дворе. Да постоянных дворов и мало где имелось. Так что, в этой поездке я впервые столкнулся с настоящей исконной Сибирью. Укладом и бытом жизни не пришлых, а вековых жителей тех краев.

Эта поездка оставила много впечатлений и была весьма познавательна для меня.

Стояли чудесные зимние солнечные дни, какие случаются в Сибири, когда время года перевалило за первую половину студенной сибирской зимы. Ехали мы туда порожняком. Железных дорог

в тех краях не имелось, до появления автобусов было еще далеко, и поэтому мы почти всегда имели на санях попутчиков. Попадались разные, интересные и менее интересные люди. Я всегда старался иметь у себя в санях попутчика – в разговорах много познается и путь кажется короче. А дороги в то время были длинными и проехать от села до села – это иногда требовало целого дня.

Сибирь, Сибирь! В разных частях нашей Великой Родины пришлось жить, но нет края милее Сибири. Это родина.

О Сибири всегда с большим интересом читаю и, где бы ни был, где бы ни жил, все сообщения о развитии Сибири, о раскрытых богатствах Сибири всегда читаю с большим интересом.

СЛАВГОРОД

Как правило, детские впечатления – величина постоянная.

В моей памяти детских лет этот городок так и остался славным городом. Расположен этот город в степи между Иртышом и Обью. Развивался и креп город быстро и достиг своих максимальных границ за какие-то десять лет. Город разделялся на городскую – более значительную часть и крестьянскую. Это необычно для города, но, тем не менее, так оно и было. Часть населения города занималась сельским хозяйством, имела свои земельные паделы за городом.

Трудно сказать, сколько жителей было в этом городе, но по Сибирским масштабам тех лет, по числу населения он, наверное, был средним городом. Город строился около неглубокой обширной низины. После таяния снегов или проливных дождей низина наполнялась водой, образуя мелководное озеро – благо для уток, гусей, да и скотине тоже было хорошо. Вода летом испарялась быстро и после этого оставалась заболоченная низина, непригодная ни к чему.

Город раскинулся просторно – широкие улицы, большие базарные площади, и все это, конечно, было небожественным, грязи хватало и пыли тоже. Застраивался город одноэтажными домами, был строго распланирован, и никакого хаоса в застройке не допуска-

лось, не в пример другим сибирским городам. Вокруг города степи и степи, без единого кустика и без березовых колков.

С освоением больших земельных массивов в округе появилась надобность в рынке сбыта, товарного обмена. Вот для этого и строился город. Далеко на Севере проходила единственная железная дорога, Транссибирская магистраль. Километров двести было до Иртыша и того дальше до Оби, а транспортный выход требовался, иначе не могло быть, зачахло бы всякое начинание в хозяйственном освоении тех земель.

Между Омском и Новосибирском есть станция – Татарск. Не знаю, в каком году начали и закончили строительство железнодорожной линии от этой станции до Славгорода. Во всяком случае, исходя из ряда знакомых мне вещей, строительство дороги было закончено где-то к 1916 – 1917 гг.

От станции Татарск железнодорожная линия проложена прямо на Юг, вглубь степей. Вначале дорога проходит по солончаковой степи, пригодной лишь для выпаса овец и верблюдов, затем степь постепенно переходит в плодородную и обильную степь. Но нет ни лесов, ни рек. Длина этой дороги примерно километров триста.

Говорили, что дорогу строили пленные японцы. Пленные с войны 1905 года, наемные китайцы и всяк иной народ. Должно быть, строительство этой дороги было не особенно трудным делом – на всем протяжении дорога не пересекает ни одну реку, нет и ни единого моста. Кругом абсолютная равнина.

В то время человек, лошадь, лошага и грабарка – вот и вся техника для строительства подобной дороги. Железная дорога заканчивалась в Славгороде. Уже позднее продлили эту дорогу до Павлодара и Славгород получил выход на Иртыш.

Весь уклад города был подчинен одному – торговле. Вся округа, верст до двухсот, а то и болес, в части торговли тяготела к этому городу, к его базарам и магазинам. Все необходимое в крестьянском хозяйстве предлагалось на этих базарах, включая и все существовавшие тогда сельскохозяйственные машины и инвентарь. Даже от знаменитой в то время торговой фирмы «Зингер» имелось здесь представительство. Здесь крестьяне могли сбыть весь свой товар. Велась крупная хлебная торговля.

Точно не помню, но, кажется, базарных дней в неделе было три. Это, конечно, не означало, что в остальные дни недели не было базара. Базары были каждый день, но в эти определенные базарные дни базары бывали особенно оборотистыми и многолюдными.

Как и любой сибирский торговый город в те годы, Славгород был насыщен постоянными дворами, где приезжому можно было ночевать, поставить лошадей в укрытие и хранить добро, привезенное для продажи на базар и, конечно, получить обильно, по-сибирски, чай. Постоялый двор был приметен тем, что к воротам прикреплялась высокая жердина с привязанным пучком соломы или сена – вот и вся вывеска, главное, всякому понятно и видно было издали.

Имелись и питейные заведения и одна гостиница «Сибирь». Почему-то называли сие заведение не гостиницей, а номерами. Гостиница эта еще долгие годы существовала. Даже в 1954 году мне пришлось пользоваться услугами этой гостиницы.

В городе имелись две мельницы, принадлежавшие до революции частным владельцам. По тому времени это были мощные мельницы, обеспечивавшие нужды большой округи.

Имелся базар для сбыта всякой сельскохозяйственной продукции, скотный базар, где продавался лишь скот и сено. Имелся хлебный базар. Там торговля шла оптом и в розницу. Особенно богатыми бывали базары осенью, после сбора и обмолота урожая. В предбазарные дни, еще с вечера втягивались в город бесконечные обозы со всяким добром. Подгонялись гурты скота. Но то было только началом. Главные базарные баталии начинались утром. Утром весь город, все улицы бывали запруженными возами, целыми обозами, включая и верблюжьи, и гуртами скота. Стоял немолчный скрип тележных колес, ржанье лошадей, мычанье коров и человеческий гомон. И все это двигалось на базары, чтобы продать свое и купить необходимое в хозяйство. То была особая пора года, и слышится мне весь этот базарный гвалт, шум и запахи до сих пор. Бывая потом, по истечении многих лет, в том городе, на тех площадях, я четко вижу бывлые живописные картины базара.

В городе имелись свои, известные «торговые дома», славившиеся хорошим товаром. В Сибири славился только хороший то-

вар и крестьянин был основательным покупателем и всякого «рожного» и гнилого товара он не покупал.

Мелкая торговля велась в основном китайцами: у них пряники, конфеты и халва. А конфеты длинные, да еще в обертке с бахромой. Было удивительно смотреть на эту мелочную торговлю: стоит лавчонка, бог ведает, из чего сбита, на чем и держится, но в той лавчонке имелся всякий товар и для малышей, и для взрослых, и мелочи, а при надобности и серьезные вещи появлялись в тех лавчонках. Китайцы умели угодить, умели торговать!

У них всегда и свежие яблоки, наилучшие сухофрукты, и если какого-либо товара не окажется у него в лавке, то хозяин укажет, у кого этот товар имеется. Многое из своего товара китайцы делали сами, и надо сказать, что их товар был всегда хорошего качества. В особенности, конфеты, пряники, халва.

Жизнь этого города мне помнится с начала двадцатых годов. Были годы упадка после гражданской войны и всяких эпидемий, за ней следовавших. Но годы НЭПа были особенно бурными и для этого города. Возникло мелкое частное кустарное производство и процветала частная торговля.

В базарные дни население города возрастало во много раз. Базары были интересными и для нас – детей. На базаре можно было покататься на каруселях, покушать с пылу горячие мясные пирожки или мороженое и насладиться отличным квасом из бутылок. Часто к базарным дням из сел приезжали родственники и, глядишь, кто-либо тебя и возьмет на базар, ну и если ты у них разживешься пятаком, то – совсем хорошо.

Раз большие базары, то и без цыган не обходилось. Где торгуют лошадьми, там и цыгану место. Но в Сибири их не жаловали. Там ведь народ жил трудовой, а цыгане старались всегда жить на обмане, на дармовщине. Кочевали цыгане и в Сибири: кибитки, куча неумытых и оборванных детей. Сзади облезлая собака, а впереди бескрайние Сибирские дороги. К зиме прибьются куда-либо и живут, пока не воруют. Случилось воровство, их население прогоняет.

ОТЕЦ

Народная мудрость справедливо замечает, что один отец значит больше, нежели сто учителей.

Конечно, сегодня, когда большая часть детей растет без отцов, так складывается в современном обществе, эта мудрость не является уже основой семейного уклада.

Как уже говорилось выше, родители отца переселились в Сибирь в начале века и поселились в селе Александровка, одном из хороших сел в колонии. Кстати, в то же село переселились и родители матери. Отец Унгер Иван Яковлевич родился 14 декабря 1889 года на Украине. В семье выросло семеро детей, из них сегодня в живых единственный человек – тетя Екатерина. Правда, самый младший брат давным-давно эмигрировал в Канаду и жив ли он еще – не знаю, никакой связи никогда не имел.

Поженились наши родители 18 октября 1909 года необычно молодыми для того времени. Как уже говорилось, когда дети переселенцев обзаводились своими семьями, то возникали трудности с земельными наделами для них. Так случилось и в этой семье – сыновья были вынуждены искать свое место в жизни в иных колониях. Один сын Петр поселился под Омском. Другой – Яков, еще до революции эмигрировал в Канаду. Наш отец был старшим сыном, и вскоре после женитьбы мои родители обосновались в Славгороде, не теряя при этом связи с сельским хозяйством. Построили в городе дом в 1914 году – помню до сих пор, что дом находился по улице Первомайская, 105/1.

Дом был просторный, с небольшим приусадебным участком в городской черте поселения. Дом состоял из трех комнат, кухни, веранды. Во дворе стояла просторная летняя кухня, и имелись надворные постройки всякого назначения.

К сожалению, отца совсем не помню. Родился я 24 ноября 1916 года, а отца мобилизовали 3 мая 1919 года, после чего он и пропал без вести.

На фронтах империалистической войны немцы, проживавшие в России, за небольшим исключением, не участвовали. По особому положению, вытекающему из условий поселения в Рос-

сии, от воинской повинности (в царской армии) они освобождались. Но где-то в 1915 году немцы призывного возраста были мобилизованы в порядке трудовой повинности. В частности, отец со многими другими мужчинами из колонии работал на лесозаготовках вблизи железнодорожной станции Ботогол, это на Транссибирской магистрали между Новосибирском и Красноярском.

К тому времени в семье было уже двое детей – сестра и брат. В студеную зиму, в начале 1916 года, мама собиралась поехать навестить отца. Детей не оставишь – малые, да и отцу же их надо показать. По железной дороге от Славгорода до Татарска не было еще пассажирского движения, и единственный путь был: двигаться по бескрайней степи до станции Каргат – это примерно четыреста километров.

Наш дедушка по отцу соорудил на санях утепленную будку-кибитку и зимой, в марте, с этим семейством, по малообжитой степи, в разгаре большой войны пробирался к той железнодорожной станции и отправил их дальше по железной дороге. Почти до конца лета жила мама с детьми у отца в радость ей и в восторге для дочери. Потом она часто рассказывала много подробностей из тех месяцев в жизни, и как жаль, что это не удержалось в памяти. Влекла большая любовь в трудную, дальнюю дорогу. Из той весны под Ботоголом на свет божий появился я. В Великую Отечественную войну нас тоже не брали на фронт. Правда, по иным соображениям, нежели наших отцов. Мы и мечтать не могли о том, чтобы быть вместе с семьей, не только длительно, а даже самое малое время.

Много с нами рсшалось с позиции недоверия, не доверяли с оружием защищать свою Родину.

Случалось маме потом, через 12-13 лет, проезжать тем же путем по железной дороге, и сейчас, размышляя о тех днях, думаю, что когда вспоминала о прошлом – ей было больно. В этом уверен. Не однажды она мне уже в те поздние годы рассказывала о том времени, когда ездила к отцу. И сколько же света появлялось тогда на ее лице!

Много лет мама хранила письма отца из тех мест, и как жаль, что жизнь безжалостно отодвигает былое и повседневно давит своими сегодняшними обязанностями, отбрасывая былое в сторону. Случается, что былое и просто топчется по злему умыслу или

недоумию. Тех писем давно уже нет, нет и людей, ушли и живут лишь в нашей памяти.

Судя по рассказам мамы и родственников, отец, старший сын в семье, был любимцем родителей и родственников. Был он веселым, жизнерадостным. Немножко сумбурным, шутник и за-тейник. Таким он был и в своей собственной семье.

Судя по рассказам, при жизни отца они всегда содержали в городе одну или двух лошадей и кое-какой мелкий скот. В точно-сти не знаю, чем отец занимался все годы в городе, а прожили мы там до революции всего-то года три-четыре. Но знаю, что некото-рое время он работал механиком на одной из частных мельниц. Вероятно, эта работа и частичное участие в крестьянских делах своего отца в селе и обеспечивали нам безбедное существование.

Любил отец хороших лошадей и лихую езду. Мама расска-зывала, да и сестра помнит, что если предстоял выезд куда-либо в город, то она заранее уже была вынуждена просить отца, чтобы не гнал лошадь лихо. Но, судя по ее глазам, при рассказе об этом, отец не очень-то слушался ее. В Сибири снегу в отдельные зимы бывало много, и моя старшая сестра помнит – было ей уже семь-восемь, как отец в веселую минуту, ради шуток, выезд со двора и заезд во двор на лошади, запряженной в выездные санки, совершал не через ворота, а через забор, занесенный снегом. Заканчивалась такая езда иногда опрокидыванием санок, а то и синяками. Зато бывало много смеха и шума. Сестра училась уже в школе, и отец отвозил и привозил ее из школы. Эти поездки ей памяты – было лихо и весело. А мама, конечно, беспокоилась за целостность своей до-чери.

Не вина мамы, что мы так мало помним про отца – она часто нам рассказывала о нем, со многими подробностями о характере и поступках, и при этом часто тихо улыбалась. Наверное, каким-то своим мыслям и своей памяти о муже.

Было мне немного еще лет, но глубокое чувство любви и гордости матери мне передавалось и в какой-то части это теплое чувство к отцу, которого я не знал, осталось во мне, со мной.

Размышляя совсем недавно над материалом для этих запи-сей, я впервые в жизни видел во сне своего отца. Отца, которого знаю лишь по рассказам, по фотографиям. Видел совершенно от-

четливо, и рядом с ним была Оксана маленькой. В этом видении была и Валя. Я был рад этому сну.

Отец одно время руководил любительским хором и оркест-ром в городе. Помню, что у нас в доме имелась фисгармония – модный в то время музыкальный инструмент. На этом инструмен-те играл отец. Увлекался он и игрой на скрипке, гитаре, флейте. Музыка, наверное, была его увлечением.

Фисгармонию украли, долгие годы висела каким-то чудом уцелевшая скрипка – со временем рассохлась. Мама иногда гово-рила нам с братом, что скрипка отца будет памятью об отце тому, кто научится играть на ней. Не играет ни брат, ни я. Где нам, часто голодным, холодным, было заниматься музыкой.

Единственно, что, возможно, унаследовали в этом деле от отца – это любовь к песне, к музыке. Люблю живопись, питаю вос-хищение ко всему прекрасному, что создано или создается челове-ком. И если это наследство отца, то это не так и мало.

Свершилась Октябрьская революция. Как и повсюду в стра-не – гражданская война охватила и Западную Сибирь. В Сибири гражданская война шла с особым упорством и довольно длительно.

Как известно, войска адмирала Колчака откатывались на Восток. А в междуречье Иртыша и Оби хозяйничали войска из-вестного генерала Анненкова. Эта армия пополнялась за счет по-головной мобилизации мужского населения и содержалась за счет полного разорения населения наиболее хлебной части Алтая. От-теснялась эта армия в Семиречье. Семиречье было в то время бога-то хлебом, скотом и охотниками служить против нарождавшейся Советской власти. Это был край, откуда за всю многолетнюю вой-ну брать солдат всегда было трудно – далеко от железных дорог и иных коммуникаций – оно было глубоким тылом во время импе-риалистической войны и отдаленным районом в годы гражданской войны.

Эту армию Анненкова частично разгромили в районах Се-миречья, частично она ушла в Китай.

За Славгород шли упорные бои, город многократно перехо-дил от Красной Армии к войскам противника. Власть менялась многократно. Объяснить это, наверное, можно тем, что город рас-положен у железной дороги с выходом на Транссибирскую маги-страль.

Мужское население пряталось и укрывалось от мобилизации в эту армию. Но отцу это не удалось, и он был мобилизован в мае 1919 года. В том же городе жила сестра мамы с ее мужем, он тоже не избежал мобилизации. Они с отцом случайно встретились в армии, и после одного разгромного боя родственник как-то сумел уклониться от дальнейшего следования в рядах белой армии.

А отца после того боя никто больше не видал. Долго. Очень долго, уже будучи замужем за другим, мама очень часто нам рассказывала об отце и в душе немножко надеялась на чудо: вдруг да вернется. Чудес не случилось, и отца у нас не стало. А детей-то было четверо! И как же нам трудно пришлось!

Помню, это было в 1928 году. Один молодой человек из нашего села вернулся со службы в Красной Армии. Служил он на Дальнем Востоке, имел неосторожность рассказать о том, что встретил на службе командира – нашего однофамильца. Это сообщение очень взволновало нашу маму. Конечно, такое могло бы быть, мало ли в жизни однофамильцев. Об этом твердили все, кто знал отца. Но во время революции и гражданской войны многое менялось, менялись и люди. Судьбы людей решались совершенно неожиданным образом – мало ли чего случалось тогда.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

*Октябрьская революция
вздыбила всю Россию.*

После империалистической и гражданской войны Россия, по выражению В.И.Ленина, походила на человека, избитого до полусмерти.

Империалистическая война, Революция, Гражданская война – можно и должно поразиться, как мелкое, раздробленное сельское хозяйство на своих наделах сумело подпереть столько лет огромную Россию. Мужчины были вовлечены в многомиллионную армию, огромные людские потери были в самой сильной части населения. Самос отсталое сельское хозяйство, чуть-чуть ото-

рвавшееся от сохи. А вот, поди же! Какая же сила таится в народе! Выстоять, распрямиться и возродиться.

Ведь семь лет страна вела войну – сначала четырехлетнюю империалистическую, затем трехлетнюю гражданскую. Ни одна страна в мире на протяжении истории нового времени не подвергалась такому опустошению. По европейской части РСФСР, согласно переписи 1920 года, мужское население в селах в возрасте 20-29 лет составляло 6,4 процента, а в 1897 году эта группа населения была равна 14 процентам.

В.И.Ленин отмечал, что «Пролетарская революция докатилась и до Сибири. Но здесь борьба оказалась более продолжительной и сложной, чем в центральных районах страны. Сказались и малочисленность, распыленность пролетариата, преобладание среди населения крестьян, самых зажиточных, не знавших крепостного права и потому, естественно, бывших дальше, чем кто-либо, от коммунизма».

Революция развязала колоссальные разрушительные силы. За годы империалистической войны солдаты приучились убивать, так что в гражданской это уже было делом привычным.

Например, 14 декабря 1919 года был освобожден Новониколаевск – нынешний Новосибирск от белогвардейцев и интервентов. Было страшно – весь город был завален мерзлыми трупами. Тела замученных штабелями лежали во дворе тюрьмы, трупы расстрелянных были разбросаны чуть ли не по всем улицам. Собирали их несколько дней и подобрали около сорока тысяч трупов. Так свидетельствует история. А ведь этот город в те годы был небольшим.

Убегая под натиском Красной Армии на восток, белая армия оставляла за собой пламя эпидемии сыпняка. В декабре 1919 года от Новониколаевска до станции Тайга сплошной цепью на двести километров вытянулись составы, забитые трупами и тифозными больными.

«Гражданская война кончилась – История была сделана. Победители разъезжались на оседлую жизнь, мечтая через год, самое большее через два построить социализм. Через два года на всем земном шаре будет революция», – говорили они.

ЭПИДЕМИИ

*Мы – дети страшных лет России –
Забывать не в силах ничего.*

А.Блок

Вследствие длительной гражданской войны народ ослабел и был незащищен против любого бедствия – эпидемия была огромным всенародным бедствием.

Сыпной тиф безвозвратно унес в 1919 – 1920 годах шестьсот тысяч жизней. Тридцать процентов детей Поволжья и Крыма были вычеркнуты эпидемиями и голодом из списка живых.

К маю 1922 года от голода и болезней погибло около одного миллиона крестьян. Около двух миллионов детей осиротело в эти месяцы. Люди срывались из обжитых мест, была безумная паника. По дорогам трупы отметили это шествие смерти. Большинство из голодающих губернии устремились в Сибирь и Туркестан.

В Сибирь ехала вся голодная Россия. Сибирь, принявшая на себя в свое время значительную часть тяжести борьбы с белогвардейщиной, приняла на себя не менее значительную долю участия в деле восстановления хозяйственной жизни в Республике и оказания помощи голодающему населению неурожайных губерний.

Осталось нас в доме, в голодном и холодном городе: мама, сестра старше меня на шесть лет, брат старше года на два, я и мальчишка совсем малый – он вскоре умер, я мало его помню.

В зиму 1921 года началась эпидемия тифа у нас в городе. Сначала заболела мама и брат. Лежали они дома без всякой медицинской помощи. Даже нельзя было об этом кому-либо заявить – их тут же увезли бы в сборные пункты. Больницы не могли вместить такую массу больных. Свозили больных в кое-как приспособленные помещения, и главное лечение – это собственные силы больных. Забота, собственно, шла об изоляции больных от пока здоровых.

В нашем доме главной опорой, главной силой была сестра Лиза. А было-то ей всего десять лет! Не велик человек и сил мало. В доме не было почти ничего съестного. Не было топлива – жгли заборы, часть надворных построек и все иное, что горело и могло дать тепло.

Сколько же надо иметь терпения, мужества, трудолюбия и старательности девочке, чтобы вынести такое! Ведь чем-то и как-то помогла вначале маме подняться, потом и брату.

Ведь трудно даже себе представить: зима сибирская, кругом голод, холод и совершенно незащищенная семья, по сути брошенная на произвол судьбы.

Потом свалился в тифозный бред и я. А дома бесконечно обходили патрули по всякому поводу, и надо было умудриться отвлечь их внимание от тифозно больных в доме.

Под видом патрулей могли ворваться и просто бандиты – земля российская ими тогда кишела. Это бурное время взбудоражило всякую накипь, вооружило много мерзавцев, и всяк хотел выжить.

Чудом убереглась от тифа сестра. А болевшие выжили. До сих пор помню и четко вижу, где стояла кровать, на которой лежали мама и брат. Керосина не было, окна замерзшие и в комнатах, даже днем, всегда был мрак и холод. Холод пробирал до костей, и невозможно было согреться в постели.

Был я еще мал, и трудно мне передать сейчас весь тот ужас нашей жизни. Моя кровать стояла в отдельной комнате, наверно, мама оберегала сестру от болезни. Меня во время болезни мучили кошмары. Странно, но помню эти кошмары. Самыми страшными были те чудовища, которые лезли ко мне от окна. Наверное, дело было в том, что зимой окна покрывались морозными узорами и эти узоры создавали иногда в моем воображении таких невероятных чудовищ.

Спасался я тем, что прятал голову под подушку, бывало же так страшно, а я от бессилия не мог даже подать голоса – лежишь и дрожишь. За мной ухаживала только мама. Помню, что часто звал сестру – она была мне всегда очень близка. Но она не приходила, а маме было некогда, столько забот свалилось на нее.

Ближе к весне болезнь отступала. Исчезли чудовища из моей комнаты. Стал поправляться, пробовал ходить, постоянно падал и больно ушибался. Весь в пролежнях – ни сидеть, ни лежать, а смазывать их, наверно, было нечем.

Хотелось есть и есть. Заломнил ту муку в глазах матери, когда я просил кушать. А что было дать? Все были голодными.

Какая же это была тусклая и длинная зима – казалось, не будет ей конца.

Летом, чтобы нам как-то помочь, огородить от всяких случайностей, к нам в город переехали родители отца. И вот летом, только-только мы выбрались из эпидемии тифа, навалилась холера. И надо же, бабушка тут же заболела холерой. Должно быть, мама надеялась на то, что спасет нашу бабушку, она со своей свекровью была очень дружна, почитала и на всю жизнь сохранила в своей и нашей памяти исключительно теплые чувства к нашей бабушке.

Помню, в летней кухне, в большой кадучке, мама делала бабушке всевозможные ванны. Но спасти ее не удалось. Она умерла от этой болезни, и вся наша семья находилась под угрозой разоблачения за укрытие больного холерой. Ведь при малейшем признаке этой болезни у кого-либо из семьи, всей семье был прямой путь в страшные казармы – изоляторы. А это было равно смерти – из казарм никто не возвращался.

После смерти бабушки сразу же выкопали в конюшне яму и там до ночи укрыли труп. За день все приготовили и ночью скрытно похоронили ее на кладбище.

И что поразительно – ведь мама сумела уберечь всю семью от этой страшной болезни и никто в семье не заболел. Для этого надо было обладать большим мужеством, стойкостью и житейской мудростью.

Положение в городе и всей округе, по-видимому, было тревожным, и закрытие больного холерой виновных расстреливали на месте, без суда и следствий. Расстрел или изоляция по сути здоровых, надо полагать, диктовались чрезвычайной опасностью для страны в целом.

Больных было так много, а возможности борьбы с этой страшной болезнью так малы, что основная задача заключалась просто в том, чтобы изолировать больных от пока здоровых. Лечить было нечем и некому. Борьба с этой болезнью осложнялась еще и тем, что произошло полное разорение крестьянских хозяйств войнами. Страшная засуха 1921 года, охватившая Поволжье и много других областей России, гнала народ в Сибирь, которая не была затронута засухой.

Народ валил валом, и большинство пришлового народа оказалось неустроенным, и эта масса народа особенно подвергалась массовому уничтожению холерой.

Через улицу, наискосок, примерно через квартал от нас, находились военные казармы, где обрабатывались новобранцы, то есть призванные в армию. Казармы были того же назначения и после революции. Вот в этих казармах со всего города свозились выявленные и обнаруженные больные холерой. Лежали больные по всему двору казармы, просто лежали на соломе, на солнцепеке. Палатки имелись только для медицинского персонала.

Наша улица, Первомайская после революции, а до революции не знаю названия, была из более людных улиц города, и я на всю жизнь запомнил, это как фотография в памяти, как однажды к нам в калитку постучал мальчишка – просил милостыни. Одежда того мальчишки кишела вшами, он был уже болен, еле держался на ногах, это было видно по нему. Но у нас самих в доме было голодно. Мальчик отошел от калитки, а через некоторое время я увидел его лежащим на дороге. Он был уже мертв, и его положили на телегу, специально разъезжавшую по городу для подбора трупов.

Ох! И помню же я эти страшные телеги, специально оборудованные с широким настилом из досок и сверху натянутым брезентом в виде шатра, с нарисованными крестами. Дорога на кладбище шла мимо нашего дома, и день и ночь грохотали мимо нашего дома эти страшные телеги, и все вскачь, вскачь.

Иногда казалось, что трупы, погруженные навалом на телегу, еще шевелятся при скачке, наверное, создавалось такая видимость. А в общем, это была единственная дорога для больных.

Запрягались эти телеги тройкой лошадей. Для кучера имелось впереди снаружи специальное сиденье. Сопровождались телеги вооруженными солдатами, и повсюду подбирались больные или мертвые – шла жестокая борьба за жизнь людей, за жизнь страны.

Самым дефицитным продуктом в те дни был чеснок. Это, наверное, и было единственным лекарством, чтобы уберечься от страшной, беспощадной болезни.

Мама только и знала, что загоняла нас, детишек, в комнаты. Говорили, что эта болезнь переносится по воздуху.

Ближе к осени эпидемия утихла, и мы ходили на кладбище прибрать могилу бабушки – так сколько же там оказалось огромных ям, засыпанных землей и залитых гашеной известью и еще Бог весть чем – это были следы холеры.

То было страшное время: тиф зимой, холера летом и голод. Прошли эти бедствия по Российской земле, как огромная коса, с миллионами жертв, и редко какая семья осталась не затронутой этой беспощадной косой.

И невольно вопрошаешь: как же мы выжили?

Невольно хочется закончить эту часть словами Василия Макаровича Шукшина: «Люди! Давайте любить друг друга! Вы же знаете, как легко умирают».

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ТРУДНОСТИ

Даже став Советской, Россия некоторое время все еще продолжала быть нищей, сермяжной, лапотной. И думать об этом больно, ибо народ наш с самых давних времен достоин был совсем иной участи, иной судьбы.

М. Исаковский

В годы гражданской войны случалось, что три четверти территории страны находились в руках врагов. И в целом сельское хозяйство в 1920 году давало только 67 процентов довоенного уровня продукции. Небывалая засуха поразила огромные территории, являвшиеся житницей страны. Территории с населением 35 миллионов при общем населении в 1921 году – 137 миллионов.

Зимой 1920-21 года необозримые пространства Казахстанских степей постиг джуг (гололедица) и небывалым был падеж скота.

Закупалось продовольствие за границей за золото и в большом количестве. Но мало имелось золота, и капиталистический мир всячески пытался задуть Советскую страну голодом, ибо войной не удалось.

В результате напряженной деятельности организации трудящихся, объединенные Межрайпомом, направили в Россию свыше ста пароходов и железнодорожных эшелонов, которые доставили более трех миллионов пудов продовольствия, одежды, медикаментов и других грузов.

Американская администрация помощи (АРА) ввезла 28 миллионов пудов продовольствия. И все равно было трудно накормить изголодавшуюся Россию. К 1925 году сельское хозяйство приблизилось лишь к довоенному уровню. Деревня возместила потери военного времени и несколько превзошла довоенный уровень в 1926 году.

Дореволюционная Сибирь была одним из крупнейших районов земледелия и животноводства России, а темпы роста сельскохозяйственного производства здесь были выше общероссийских.

А наши дела тогда складывались трудно – угроза голода не покидала наш дом. Сейчас для молодых людей понятие «голод» весьма отвлеченное. Понять суть этого трагического явления, можно лишь испытав голод, увидев, как люди умирают от голода.

Умерла бабушка, и наш дедушка вернулся в село – там же имелось хозяйство, и надо было заботиться, чтобы восстановить утраченное за годы войны. И надо было помогать спасти детей без вести пропавшего сына. Помню, приехал дедушка к вечеру из села и привезенное добро разгрузил на веранде. Веранда была капитальной постройки, и почему-то ни у кого не вызвало опасений за то, что продукты выгрузили туда. Было это уже поздней осенью. Утром двери из веранды в дом оказались подпертыми снаружи, и мы выбрались из дома, лишь выставив окно.

Из того, что дедушка привез из села, ничего не осталось. Все украли, увезли. Той ночью выпал первый зимний снег и никаких следов, кроме немного рассыпанной муки из прорванного мешка, не оказалось.

Опять невезение, опять впереди голод в доме. А дни зимой такие длинные. Наступает холод, и чем одинокой женщине прокормить семью из четырех едоков?

Город замер, везде голод и разруха. Нарушился весь уклад жизни нашего, недавно такого хлебообильного города.

Тут же начались и другие беды. Часть нашего дома реквизировали для работников не то Красной Армии, не то ВЧК или ми-